

Андрей Орленко

Заказ на "Апокалипсис"

рассказ

Андрей Викторович Орленко

Заказ на «Апокалипсис»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42019875

SelfPub; 2019

Аннотация

Александр Скрябин, пребывая в творческом поиске, приезжает из Швейцарии в Вену на несколько дней. Случайно на улице он знакомится с психиатром доктором Фрейдом. Внимание новых знакомых привлекает уличный вернисаж. Одна из картин вернисажа вызывает между ними спор: злодей или жертва автор полотна? Дабы выяснить, кто из них прав в споре, господа предлагают художнику написать свой "Апокалипсис"... Художником оказывается Адольф Шикльгруб...

1908 год. Вена. Ранняя осень

Поздним вечером у второй платформы Западного вокзала остановился курьерский поезд, прибывший из Лозанны. На перрон сошел вполне молодой человек, броско одетый, с небольшим дорожным саквояжем в руке. На площади он нанял извозчика и велел ехать на Аннагассе.

– Господин Алекс! Добрый вечер! Как вы добрались? – радушно встретила его хозяйка гостиницы, пожилая вдова, изо всех сил молодящаяся, и небезуспешно.

– Добрый вечер, мадам Рауш. Гораздо лучше, чем в прошлый.

– Ваш номер давно готов. Прикажете подать кофе?

Алекс взял протянутые ему ключи и, уже поднимаясь по лестнице, ответил:

– Если можно, чай. Через час. Хочу отдышаться.

После ванны и крепкого чая с лимоном Алекс, утомленный дорогой, лег в постель и быстро уснул. Приготовленные для него свежие газеты на столике у кровати остались нетро-

нутыми.

Странный сон, который преследовал молодого человека уже несколько ночей, сегодня не посетил его. Алекс отметил это утром, едва проснувшись.

В дверь постучали. Постоялец бросил недокуренную папиросу в пепельницу и позволил войти.

Эту горничную он видел впервые. Вообще, горничные у мадам Рауш менялись с умопомрачительной быстротой.

– Вы давно здесь работаете?

Девушка неуверенно сняла с подноса чашку кофе и подняла большие темные глаза.

– Вторую неделю, господин.

– До этого жили у отца на мельнице в пригороде Зальцбурга?

– Я приехала из Праги.

– Вы чешка?

– Я еврейка. Господину угодно еще что-нибудь?

– Да. Пожалуйста, коробку папирос и... Как вас зовут?

– Анна.

– Прекрасное имя. И рюмку кальвадоса, Анна.

Выкурив папиросу и покончив с кальвадосом, Алекс надел легкое пальто и вышел из комнаты. Внизу он отдал ключи от номера портье и поздоровался с хозяйкой, сидящей за маленьким столиком в углу.

– Сегодня прекрасный день, не правда ли, господин Алекс? – приветливо улыбнулась мадам Рауш.

– Целиком полагаюсь на ваше мнение, – улыбнулся в ответ молодой человек.

– Вы, как всегда, шутите. Должно быть, вам весело живется?

– Увы, это лишь мимикрия. Вы не подскажете, что сегодня в опере?

– Сегодня «Отелло». Но вы опоздали. Совсем недавно

здесь был Карузо. Вся Вена только о нем и говорила. Хотя я не понимаю, зачем ходить в оперу, когда есть кинематограф. Гораздо дешевле и правдивее.

– Вы часто посещаете кинематограф?

– О, я не пропускаю ни одного нового фильма, что идут в «Палладиуме». Это совсем рядом. Через два квартала... Вчера я посмотрела «Коварство и любовь».

– Шиллера, что ли?

– Что вы! Какой Шиллер! Фильм о том, как наложница персидского шаха полюбила сына евнуха.

– Боже! – искренне удивился Алекс. – Разве у евнуха могут быть дети?

– А почему нет? Впрочем, я не помню, может, и не евнуха. Но какая любовь! Кстати, в этом кинематографе работает один из лучших в Вене таперов. Настоятельно рекомендую посетить...

– Если только Анна составит мне компанию, – сказал Алекс, увидев спускающуюся по лестнице горничную.

— Анна, ты слышишь, господин Алекс приглашает тебя сегодня вечером посетить кинематограф.

— Прошу меня простить, но сегодня вечером я занята, — совершенно серьезно ответила Анна.

— Вот так всегда, — огорченно вздохнул Алекс, — а вы, мадам, говорите, что жизнь у меня веселая...

Выйдя на улицу под яркое сентябрьское солнце, Алекс некоторое время думал, в какую сторону ему пойти. Решив, что никакого значения это не имеет, пошел направо. Через несколько минут он остановился у афиши, которая приглашала посетить разрекламированный хозяйкой гостиницы фильм. Там был изображен зверского вида человек, голый по пояс и в чалме, который занес кинжал над обреченной юной девой. Алекс с удивлением заметил, что он не прочь посмотреть тезку шиллеровской драмы. Впрочем, удивляться было нечему. Алекс откровенно бездельничал, и желание чем-нибудь занять себя было вполне уместно. Однако, приписав подобное искушение лукавому, Алекс решил не придавать ему значения.

Все-таки что-то странное было во всем этом. И скоропостижный, пустой приезд в Вену, и оставленная работа, и недавний дурацкий скандал в Петербургской консерватории,

и совершенно не радовавшее яркое солнце, и назойливое желание посетить кинематограф, и предвкушение новой, начинающейся в подреберье музыки рождало ощущение чего-то очень важного, скоро предстоящего. События, перед которым меркли и новая работа, и тем более скандал...

– Надо быть внимательнее, – обиженно и назидательно заворчала горбатая старуха, которую Александр чуть не сбил с ног.

– Простите, я задумался... – начал было он оправдываться, но старуха, не желая его слушать, побрела своей дорогой, бурча под нос:

– Нигде от этих русских нет покоя. Уже на улицах сбивают. Что будет дальше?

«Интересно, а как горбатые женщины носят бюстгалтеры? – подумал Алекс, вспомнив яркую киноафишу. – Если они их вообще носят...»

– Тьфу ты, чертовщина какая-то! – выругался он вслух и огляделся.

В мыслях о странности всего окружающего, Александр не заметил, как вышел на площадь Героев...

Какой-то неестественный озноб прошел по его телу, и на мгновение Алекса охватил ужас. Жуткая волна отвращения окатила его с ног до головы.

По серому контуру свинцового неба, вдоль всего горизонта, постоянно расширяясь, ползла неестественно красная, изуродованная собственным отражением в грязных бездождевых тучах, полоса заката. И туда, к мутному, окровавленному горизонту, испуганная ненужностью и беспорядком, летела оторванная в локте рука. И были узнаваемы на ней и массивный золотой перстень на безымянном пальце, и надломленный ноготь мизинца, и старый шрам выше запястья.

У горизонта ее ждал огромный чан с тяжело дымящейся жидкостью. Жидкости видно не было. Лишь пузыри, блестящие над краем этой дьявольской посуды, да невероятная вонь говорили о том, что там смерть.

И становилось тоскливо и страшно от мучительных световых переливов, порочных и пустых поползновений перламутрового пузыря неба укрепить подданство почвы. И гадким было это неестественное желание.

И снова желто-розовая пена адского варева тянула к себе все живое. Но ничего живого уже быть не могло.

И лишь где-то далеко за невидимым лесом звучала чья-то грустная песня, питающая зыбкую надежду не умереть. Вернее, умереть не сейчас. Может быть, мгновением позже...

Через секунду, вздрогнув, Алекс пришел в себя. Это было то самое видение, которое преследовало его уже целую неделю. Каждую ночь, вернее утро, в шесть часов двадцать минут он просыпался в холодном поту, помня до мелочей весь этот кошмар.

«Почему днем? – с неимоверной тоской подумал Александр. – Я больше не могу. Я сойду с ума». Его бил озноб, перед глазами плыли красные круги, было трудно дышать.

Он вошел в ближайшее кафе и попросил коньяку. На «Отелло» Александр решил сегодня не ходить...

...Его мучила мелодия, которую он никак не мог определить. Пальцы бродили по клавиатуре, но ничего внятного не получалось. Звуки рояля казались ватными и неуклюжими. Захлопнув крышку и бросив потухшую папиросу в пепельницу, он лег на кровать, лицом в подушку, и попытался

уснуть. Это удалось.

Проспал он минут двадцать, пока не постучали в дверь. Анна принесла коньяк.

– Анна, вы смотрели этот фильм? – спросил Александр.

– Какой фильм?

– Ну, эту галиматью под шиллеровским названием, от которой в таком восторге ваша хозяйка?

– Вы имеете в виду «Коварство и любовь»?

– Да.

– Разве она имеет какое-то отношение к Шиллеру?

– Никакого. Так вы смотрели?

– Нет, господин.

Все-таки что-то замечательное было в этой девушке. Ее непроницаемость, строгая внимательность, невосприимчивость к юмору, безукоризненная правильность движений, большие умные глаза вызывали у Александра неудержимое

желание говорить с ней. И видеть ее. Все время охотиться взглядом за этим силуэтом, этой неповторимой линией, которая начиналась с легкомысленно изогнутых ресниц, углом глаза шла к виску, и оттуда, теряя зыбкость, тянулась за ухо, к шее, точно по контуру густых черных волос, и дальше, вниз от шеи по кошачьей спине к заветному змееподобному изгибу над ягодицами и овалу бедер. Линия слегка терялась в складках длинной узкой юбки, заставляя напрягать внимание и ждать нового движения, которое опять свяжет между собой ресницы и каблук туфли. И когда музыканту удавалось схватить эту линию всю целиком, от взмаха ресниц до еще не опустившегося на пол каблук, Алекс напрягался, его грудь сжимала странная тоска, а контур линии казался похожим на половинку перевернутого острия пики в частоколе ограды Летнего сада. Особенно в контражуре окна, за которым капризная венская осень подмешивала золото и свет в краски Климта, родившие Юдифь...

– Меня зовут Александр.

– Я знаю.

– Тогда почему вы не называете меня по имени?

– Это обязательно?

– Да нет.

– Вы позволите мне уйти?

– Если вы этого хотите. Но...

Не дослушав Александра, Анна вышла из комнаты. «Ну и черт с тобой», – обреченно подумал молодой человек.

Солнце бродило по кругу. Ему не хотелось уступать место Луне. Осень – время Солнца. Оно пронизывает собой воздух, листву, плоды, землю, и этот золотой звон не умолкает в сумерки. Луна, в те редкие ночи, когда она выползает на небо, – лишь напоминание о Солнце, отражение в мутном зеркале. Осенью нет власти Луны, она прячется в лиловую туманную сырость. Осень – время Солнца. Впрочем, нет Солнца – нет и осени...

Как ни противился Александр закату, ночь наступила. Ночь всегда универсальна. В любое время года, стоит только стемнеть, она завладевает миром, который превращается из совокупности частных – деревьев, птиц, домов, неба – в нечто всеобщее. И тогда окно вашей комнаты выходит не во двор, а во Вселенную. Великие мысли рождаются ночью. Ночь – это тайна...

Алекс подмаргивал папиросным огоньком своему отражению в оконном стекле. Вместо левого глаза у отражения светилась медаль фонаря. С папиросы на подоконник упал пепел. Стало легче. Дым, выпускаемый носом, застрял в усах и торчал теперь, как дрессированная кобра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.